

## ПРЕДИПОСЛОВИЕ



## КАКОЕ МНЕ ДЕЛО — УЛЫБАЕТСЯ МАЯКОВСКИЙ, СМЕЕТСЯ ИЛИ ИЗДЕВАЕТСЯ?

То-есть, как это какое?!

Я знаю много лучше других сатирическую работу.

Вот пример:

### СХЕМА СМЕХА.

Выл ветер и не знал о ком,  
вселяя в сердце дрожь нам.  
Путем шла баба с молоком,  
шла железнодорожным.

А ровно в 7, по форме,  
несясь во весь карьер с Оки,  
сверкнув за семафорами —  
взлетает курьерский.

Была бы баба ранена,  
зря выло сто свистков ревмя —  
но шел мужик с бараниной  
и дал понять ей во-время.

Ушла направо баба,  
Ушел налево поезд.  
Каб не мужик, тогда бы  
разрезало по пояс.

Уже исчез за звезды дым,  
Мужик и баба скрылись.  
Мы дань герою воздадим,  
над буднями воскрылась.

Хоть из народной гущи,  
а спас средь бела дня.  
Да здравствует, торгующий  
бараниной,—средняк!

Да светит солнце в темноте!  
Горите, звезды, ночью!  
Да здравствуют и те и те—  
и все иные прочие!

Каждый, прочтя этот стих, улыбнется или засмеется.  
В крайнем случае заиздевается—хотя бы надо мной.  
Обязательно.

Почему?

В этом стихе нет ни одной смешной мысли, никакой  
смешной идеи.

Идеи нет, но есть правильная сатирическая обработка  
слова.

Это не стих, годный к употреблению. Это образчик.

Это — схема смеха.

18, 19, 20-ый годы — упадок сатиры.

Больше чем драматическое, белое окружение не позволяло нам чистить себя черезчур рьяно.

Метла сатиры, щетка юмора — были отложены.

Многое трагическое сейчас отошло.

Воскресло количество сатиры.

„Крокодил“, „Красный перед“, „Мухомор“

Редкий номер наших газет и журналов — без шаржа, без шутки.

К сожалению качество сатиры чаще низкое.

Ищется смешной сюжет. Таких сюжетов нет.

Есть вещи, напрашивающиеся на издевательство: соглашатель (теща!), непач, эмигрант и т. д.

Вещи эти смешат и в малой обработке. Но если само слово не оттачивается ежедневно новым шилом — острота тупеет уже со второго раза.

Моя „Схема смеха“ смешит только словесной обработкой.

Смех вызывается: выделкой хлыстов-рифм, приставучим распевочным ритмом, эксцентричностью выводов, абсурдным гиперболизмом.

В этом стихе сознательная игра смеховыми приемами.

Если этот стих не интересен (чудовищное предположение!) потребителю, то для производителя это безукоризненная формула.

Надо вооружаться сатирическим знанием.

Я убежден — в будущих школах сатиру будут преподавать наряду с арифметикой и с неменьшим успехом.

Особенно шалящие и резвые ученики будут выбирать

смех своей исключительной специальностью. Будет, обязательно будет—высшая смеховая школа.

Сколько сатириков отшибла от смеха свора бывших классных наставников, бия линейкой по лапам за невинное пускание бумажных „стрекозлов“ в бороду какому-нибудь зудителю закона божьего!

Общая сознательность в деле словесной обработки дала моим сатирам силу пережить минуту.

Человеколюбие заставляет меня собрать воедино печатавшееся в „Новом Сатириконе“, „Известиях“, „Крокодиле“ и других газетах и журналах и дать это отдельной книгой всем прослезившимся от радости читателям.

*Вл. Маяковский.*





## МОЕ К ЭТОМУ ОТНОШЕНИЕ.

Май ли уже расцвел над городом,  
плачет ли, как побитый, хмуренький дека-  
брик—

весь год эта пухлая морда  
маячит в дымах фабрик.

Брюшком обвисшим и гаденьким  
лежит на воздушном откосе,  
и пухлые губы бантиком  
сложены в 88.

Внизу суетятся рабочие,  
нищий у тумбы виден,  
а у этого брюхо и все прочее—  
лежит себе сыт, как Сытин.

Вкусной слюны разлились волны,  
во рту громадном плещутся, как в бухте.  
А полный! Боже, до чего он полный.  
Сравнить если с ним, то худ и Апухтин.

Кони ли цокая по асфальту мчатся,  
шарканье пешеходов ли подвернется под  
взгляд ему,

а ему все кажется—цаца, цаца!  
кричат ему, и все ему нравится проклятому.

Растет улыбка, жирна и нагла,  
рот до ушей разросся,  
будто у него на роже спектакль-гала  
затеяла труппа малороссов.

Солнце взойдет, и сейчас же луч его  
ему щекочет пятки холеные,  
и луна ничего не находит лучшего.  
Объявляю всенародно: очень недоволен я.

Я спокоен, вежлив, сдержан тоже,  
характер, как из кости слоновой точен,  
а этому взял бы да и дал по роже;  
не нравится он мне очень.